

Научная статья
УДК 303.8
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/157-170>

Институционализация аналитических центров Вьетнама и их роль в публичной политике. Часть 1

Семен Алексеевич Войтов
Высшая школа экономики, Москва, Россия, cema2055@gmail.com
Евгений Викторович Журбей
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия;
Владивостокский государственный университет, Находка, Россия, zhurbey.ev@dvfu.ru

Аннотация. В данном исследовании авторы рассматривают процесс институционализации аналитических центров в публичной политике Вьетнама. Начиная с 1986 года аналитические центры играли важную роль во время "рыночного перехода" СРВ. Именно в тот период были сформированы организационные особенности вьетнамских фабрик мысли, которые наблюдаются до сих пор: низкая политическая самостоятельность, присутствие идеологического нарратива в исследованиях, ориентированность на государство как на основного потребителя экспертного знания и, как следствие, ресурсная зависимость от него. Отметим, что данные особенности были также обнаружены во время нашего анализа десяти современных вьетнамских аналитических центров.

Ключевые слова: *Вьетнам, аналитические центры, публичная политика, экспертное знание*
Для цитирования: Войтов С. А., Журбей Е. В. Институционализация аналитических центров Вьетнама и их роль в публичной политике. Часть 1 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 157–170. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/157-170>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/157-170>

Institutionalization of think tanks in Vietnam and their role in public policy. Part 1

Semyon A. Voitov
Higher School of Economics, Moscow, Russia, cema2055@gmail.com
Evgeny V. Zhurbey
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia;
Vladivostok State University, Nakhodka, Russia, zhurbey.ev@dvfu.ru

Abstract. In this research the authors examine the process of institutionalization of think tanks in Vietnamese public policy. Since 1986, think tanks have played an important role during the market transformation of SRV. At that period the organizational features of the Vietnamese think tanks were formed. These features can also be seen today: low policy independence, the presence of an ideological narrative in research, a focus on the state as the main consumer of expert knowledge, and, as a result, resource dependence on it. It is important to note that these features were also found during our analysis of ten modern Vietnamese think tanks.

Key words: *Vietnam, think tanks, public policy, expert knowledge*
For citation: Voitov S. A., Zhurbey E. V. Institutionalization of think tanks in Vietnam and their role in public policy. Part 1 // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 157–170. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/157-170>

В последнее время аналитические центры все чаще рассматриваются как акторы, обеспечивающие интеллектуальную опору публичной политики той или иной страны. Вьетнам также не является исключением. В отличие от авторитарий, функционирование аналитических центров в демократиях отличается высоким влиянием на пространство публичной политики. Объясняется это тем, что они являются частью либерально-демократической политической системы, в которой институты плюрализма и делиберативной демократии хорошо развиты. Вследствие чего проблема данного исследования заключается в том, как на качественном и количественном уровне измерить эффективность аналитических центров в публичной политике авторитарного Вьетнама? Более того, насколько приемлемыми можно считать критерии эффективности, используемые при изучении демократических аналитических центров для Вьетнама? Можно ли вообще говорить о существовании универсальных показателей эффективности? Это именно те вопросы, на которые мы попытаемся дать ответы в своём исследовании. Данная проблема важна как с теоретической, так и с практической точек зрения. В свете возможностей разработки инструментов оценки влияния аналитических центров СРВ на

принимаемые государством решения и определения эффективных способов подобного влияния.

Объектом данного исследования является публичная политика Социалистической Республики Вьетнама. Предметом исследования являются аналитические центры СРВ, их место и роль в рамках публичной политики. Цель исследования – определить место и роль аналитических центров в публичной политике Социалистической Республики Вьетнам.

Теоретико-методологической основой данного исследования является системный подход и неинституционализм. Системность исследования обуславливается нашим пониманием публичной политики как самостоятельной подсистемы политической системы Вьетнама. Таким образом, аналитические центры и экспертные сообщества, воспринимаются уже как её структурные элементы публичной политики, так как вне данной подсистемы они значительно теряют часть своих функций. В таком случае подсистема публичной политики в некоторой степени наделяется функциями "чёрного ящика": именно там происходит выработка публичного решения на социально важную проблему. Подсистема публичной политики также имеет два канала связи с внешней средой: канал входа (через него внешняя среда осуществляет воздействие на публичную политику) и канал выхода (через него публичная политика воздействует на внешнюю среду с помощью публичного решения или политической программы). Неинституционализм, в свою очередь, с помощью формальных и неформальных институтов очерчивает границы публичной политики государства. Более того, акцент исследования не сконцентрирован исключительно на формальных, зачастую государственных, институтах; так, неинституционализм позволяет нам оценить роль и влияние других акторов публичной политики Вьетнама (в нашем случае – аналитических центров).

Сегодня существует множество подходов определения и изучения публичной политики: институциональный, системный, теория рационального выбора, теория элит, модель прерывистого равновесия и модель конкурирующих защищающих коалиций и т. д. [6, с. 28]. Однако необходимо понимать, что эти модели разрабатывались с опорой на западные либерально-демократические ценности, присущие развитым странам. В отличие от развитых государств с широкими институтами политического участия, развивающиеся страны (зачастую при этом авторитарные) не обладают высокой организованностью масс; плюрализмом мнений при мультикультурализме; децентрализованностью принятия политического решения и открытым доступом к политическому пространству [27, р. 45–46].

В нашем исследовании мы исходим из установки, что Вьетнам – это страна с авторитарным политическим режимом и низким уровнем гражданских свобод. Это подтверждает доклад "Freedom House" за 2020 год, в котором кейс Вьетнама изучался отдельно. Так "Freedom House" оценивает Вьетнам как несвободное государство (20 баллов из 100 возможных). Политический плюрализм и гражданское участие оценивается как крайне низкие (0 баллов и 4); роль оппозиции также оценивается как крайне низкая (0 баллов из 4), наличие политических прав у социальных, этнических, религиозных групп и т. д. оценивается как низкое (1 балл из 4). Однако при этом население страны высоко оценивает свои социальные (3 балла из 4) и экономические права (2 из 4) [17].

Таким образом, формирование публичной политики Вьетнама в основном формируется правящей элитой Коммунистической Партии Вьетнама (далее – "КПВ"). Вследствие чего мы ожидаем, что именно элита и её решения будут в значительной степени влиять на функционирование всех акторов, включая аналитические центры и экспертные сообщества.

В рамках подобной авторитарной политической системы довольно трудно операционализировать понятие публичной политики и выбрать наиболее подходящую модель исследования. Поэтому мы считаем необходимым дать собственное определение публичной политики. В структурном понимании публичной политики мы будем опираться на системный подход, что касается качественного аспекта нашего понятия, то его содержание будет определяться основными положениями теории элит.

Теория элит постулирует, что "публичная политика определяется не запросами и действиями людей или "масс", а скорее правящими элитами, чьи

предпочтения приводятся в исполнение государственными чиновниками и органами" [3, с. 22]. Обратим внимание на основные положения данной теории, представленные Т. Даем и Х. Зиглером. Отдельную роль в принятии политического решения они отводят власти имущему меньшинству общества, которые зачастую являются выходцами из высшего слоя общества. Концентрируя в руках властные механизмы, элита формирует публичную политику в соответствии со своими запросами и интересами. Таким образом, все этапы политико-управленческого цикла, начиная от формирования повестки дня и заканчивая оценкой реализуемой политики, имеют одностороннее провластное происхождение. При этом политическое участие масс крайне ограничено либо отсутствует полностью. Однако в ситуациях политического кризиса и низкого доверия масс элита допускают общественных акторов в процесс принятия политического решения [3, с. 22–23].

Публичная политика – это некое институционально регулируемое политическое пространство, в котором путём взаимодействия государственных и негосударственных акторов осуществляется процесс принятия публичного политического решения, касательно той или иной социально значимой проблемы. Мы не случайно вкладываем категорию пространства в наше определение. Пространство в данном случае является местом столкновения интересов акторов. Однако при этом это сложное и многоуровневое поле: одновременно в нем происходит неограниченное количество политических процессов на разных стадиях политико-управленческого цикла, начиная от формирования повестки дня и заканчивая реализацией принятого решения.

Однако многоуровневая структура публичной политики при этом не хаотична: её стабильность обеспечивается наличием формальных и неформальных институтов в обществе. Формальные институты представляются конституционными, законодательными и судебно-правовыми положениями. Именно они задают официальные правила игры в пространстве публичной политики [14, р. 1323]. Неформальные институты, в свою очередь, являются совокупностью укоренившихся в обществе норм и ограничений поведения. Вместе с этим они формируют восприятие актора формальных институтов, ограничивают его вариативность действий [14, р. 1324].

Таким образом институты играют важную роль в формировании границ пространства публичной политики. Однако важно отметить, что эти границы не статичны. Институциональный динамизм объясняет регулятивный характер пространства публичной политики: изменение одной категории норм неизбежно ведёт к изменению в другой. Более того, публичная политика, как пространство, стремится как к сужению, так и к расширению. При чем этот процесс, на наш взгляд, зачастую односторонен: именно политические элиты, обладая рычагами власти, могут либо расширять поле публичной политики, тем самым вовлекая больше акторов, либо же вообще сужать его. Расширение поля публичной политики ведёт к развитию демократических и делиберативных основ при принятии публичного решения. Сужение пространства публичной политики, в свою очередь, минимизирует количество акторов. Вследствие чего монополия на формирование публичной политики переходит в руки политических элит.

Считаем, что данное понимание публичной политики отличается своей универсальностью применения, так как оно предполагает внутривластную вариативность того или иного государства. Иными словами, понимание публичной политики как институционально-регулируемого пространства упрощает процесс исследования политических процессов как в демократическом государстве, так и в авторитарном.

Что касается субъектов публичной политики, то их количество напрямую зависит от политического режима страны. Чем либеральнее общество, тем более оно политически активно. Однако при этом мы не считаем, что в авторитарном обществе формирование публичной политики находится лишь в руках элит. В странах авторитарного режима всё чаще заметно формирование политического курса в рамках договорных отношений. Под договорным аспектом понимаются не только юридически закреплённые положения, но и неформальные договорённости между акторами, участвующих в политическом процессе [5, с. 603–604]. Иными словами, происходит качественный пересмотр взаимодействий государственных и негосударственных участников.

Таким качественным изменением можно считать появление и развитие аналитических центров как акторов публичной политики. Общепринятое понимание аналитического центра связано в основном с трудами западных исследователей-политологов. Так, исходя из классической англо-американской трактовки, аналитический центр рассматривается как независимая от государства и университета организация, занимающаяся политическими исследованиями на некоммерческой основе. Однако данное определение неприменимо в рамках нашего исследования. В условиях авторитарного режима Вьетнама существование подобных учреждений практически невозможно. Таким образом, обратимся к более широкому и универсальному определению.

Осознавая региональные особенности формирования публичной политики в разных странах Джеймс Макганн, определяет аналитический центр как "участвующую в публичной политике исследовательскую организацию, которая занимается политико-ориентированными исследованиями по вопросам внутренней и внешней политики, тем самым позволяя акторам принимать более взвешенные решения в рамках публичной политики" [22, р. 13]. Стоит отметить, что именно данное определение используется Джеймсом Макганном при составлении ежегодного рейтинга лучших аналитических центров мира "Global Go To Think Tank Index Report", который учитывает организационный и идеологический плюрализм [22]. Таким образом, в своём исследовании мы будем опираться именно на данное определение.

Значимость аналитических центров, заключается в их исключительной способности работать с информацией. Сегодня в эпоху информационного перенасыщения лицам, принимающим решения, всё трудней опираться на собственные силы [28, р. 8]. Вследствие чего не удивителен тот факт, что в дискурсе дисциплины публичной политики все чаще встречаются аналитические центры. При этом с развитием дисциплины многообразие и функциональное наполнение аналитических центров растёт с каждым годом.

Определив рамки изучения публичной политики и аналитических центров, пронаблюдаем, как именно два этих понятия соотносятся друг с другом. Иными словами, попытаемся объяснить, как аналитический центр становится элементом пространства публичной политики и как он в ней функционирует. Анализ будет осуществлён с опорой на сравнение опыта в демократических и авторитарных политических системах.

Напомним, что публичная политика нами рассматривается как динамичное институционально-регулируемое пространство, в котором каждый элемент имеет свою функцию. При этом поле публичной политики является местом столкновения интересов государственных, общественных, академических акторов и представителей бизнеса по огромному количеству проблем и реализуемых политик. Более того, многомерность пространства объясняется множеством процессов, одновременно происходящих на разных стадиях политико-управленческого цикла. Всё это способствует циркуляции огромного массива данных и информации между акторами. Однако информационное перенасыщение зачастую ведёт к провалу в коммуникации и, следовательно, к отсутствию консенсуса. Нередки случаи нехватки информации и экспертного мнения по определённой проблеме. Таким образом, аналитический центр, обладая интеллектуальными ресурсами, способен стать недостающим звеном в коммуникации между ЛПР и другими акторами публичной политики [29, р. 3–4].

Информация и экспертное мнение аналитических центров также чрезвычайно важны в формировании эффективного имиджа государства, как внутри страны, так и за рубежом. Имидж, в свою очередь, выполняет ряд важных функций: от него зависит положение государства на международной арене, его привлекательность для внутренних и иностранных инвестиций, уровень доверия граждан к власти и социальное самочувствие, а также стабильность и благополучие общества в целом [1, с. 66].

Особенно полезной нам представляется концепция Тома Медведза. С её помощью можно наиболее наглядно проследить, как аналитический центр вовлекается в пространство публичной политики. Том Медведз рассматривает аналитический центр как элемент социального поля, функционирующий между полем медиа, политики, экономики и полем производства знания. Ана-

литический центр при этом формирует вокруг себя поле влияния, которое взаимодействует с другими [24, p. 6].

Однако отметим, что в своём исследовании мы не включаем понятие социального поля. Мы рассматриваем аналитический центр исключительно как элемент пространства публичной политики. Итак, находясь в социальном пространстве, аналитический центр влияет на других акторов и при этом сам подвержен их воздействию. Образуя своё поле влияния, он, так или иначе, имеет перевес в определённую сторону. Это в последствии формирует его уникальную линию поведения. Так, например, если аналитический центр больше ориентирован на государственных акторов и ЛПР, то можно предположить, что его роль будет высока на законодательном этапе принятия публичного решения. Широкие каналы связи с властью также обеспечивают ротацию кадров: специалисты аналитического центра нередко занимают высокие должности при правительстве. Следовательно, политический анализ и экспертиза осуществляются в "закрытом кругу", без лишнего общественного внимания и с минимальным взаимодействием с медиа [8, p. 95–98].

И это всего лишь один из немногих примеров того, как дескриптивно можно использовать концепцию Т. Медведза. Многие аналитические центры ориентированы исключительно либо на бизнес, медиа, общественные объединения, либо академическое поле. Таким образом, данная концепция позволяет на качественном уровне определить первичные особенности функционирования любой научно-исследовательской организации.

Дополняя концепцию Т. Медведза, мы хотим отметить, что степень вовлечённости аналитического центра при принятии публичного решения определяется именно регулятивным аспектом пространства публичной политики: формальными и неформальными институтами. Здесь также определяется ресурсная база, методы воздействия на целевую аудиторию и степень автономности организации. С опорой на вышесказанное мы утверждаем, что роль аналитического центра на принятие публичного решения тем выше, чем шире пространство публичной политики, частью которого он является. Соответственно, мы утверждаем, что аналитические центры в демократических странах будут более эффективными, чем их коллеги из недемократических стран.

Определив качественный аспект вовлечения аналитического центра, перейдём к количественным измерениям его влияния и эффективности на публичную политику. Эффективность детерминирует уровень доверия и надёжности учреждения, что, в свою очередь, определяет его дальнейшую судьбу. Так, многие организации считают репутацию, качество проводимых исследований и возможность непосредственно влиять на политический процесс своими приоритетными задачами [16, p. 112]. Необходимость в определении шкалы эффективности также диктуется конкурентным рынком и высоким спросом на услуги политического анализа: при выборе аналитического центра клиент не в последнюю очередь будет обращать внимание именно на количественные показатели [30, p. 24].

В то же время количественное оценивание эффективности не лишено субъективизма. Всегда нужно учитывать особенности политических систем, в которых функционирует оцениваемый аналитический центр. Объективно сравнить эффективность учреждений при демократии и автократии – непростая задача [11, p. 3]. Вследствие чего, в своём исследовании мы будем опираться на показатели, предложенные Джулией Кларк и Дэвидом Рудманом. Показатели влияния ими делятся на несколько категорий: влияние в интернет-пространстве, влияние в медиaprостранстве и влияние в академическом пространстве.

Количественные показатели влияния в интернет-пространстве: количество подписчиков в социальных сетях аналитического центра; объём сетевого трафика, проходящего ежедневно через сайт учреждения; количество ссылок на сайт аналитического центра со сторонних сайтов и ресурсов.

Количественные показатели эффективности в интернет-пространстве определяют, насколько активно пользователи интернета обращаются к цифровым материалам и услугам аналитического центра. Так, количество подписчиков наглядно показывает, сколько человек потенциально доверяют проводимым исследованиям центра. Количество ссылок с других сайтов, в свою

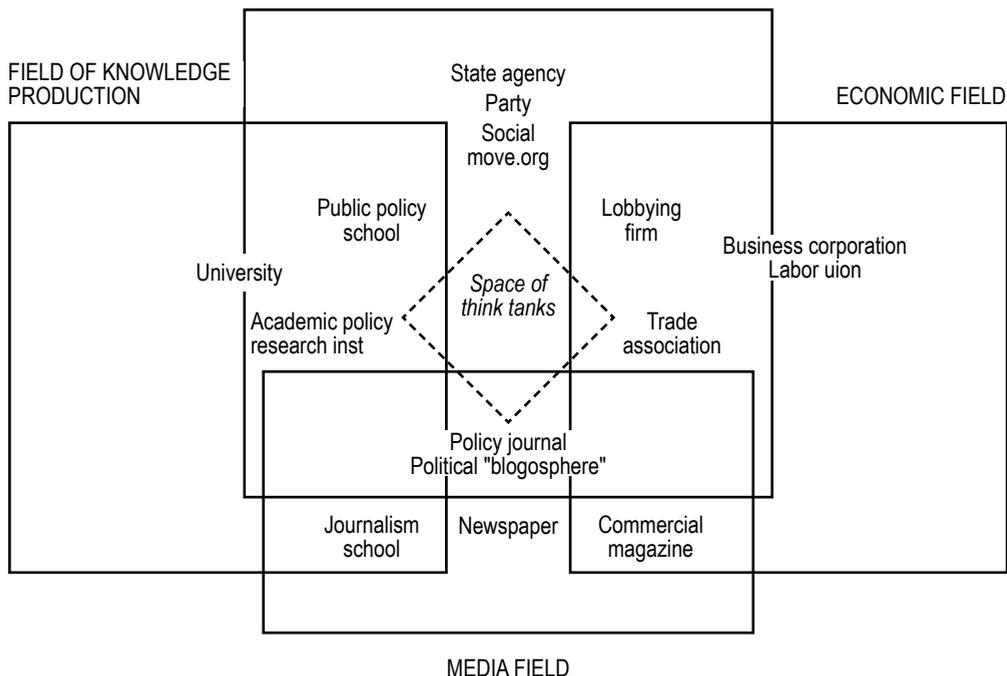

Рис. 1. Аналитические центры в социальном поле, модель Т. Медведца.

Fig. 1. Think tanks in social space, model T. Medvetz.

Источник: [24, p. 6]

Source: [24, p. 6]

очередь, показывает, насколько популярен аналитический центр как среди коллег, так и среди новостных изданий. К другим показателям можно также отнести поиск по ключевым словам, географический охват пользователей и их средняя продолжительность активности на сайте [11, p. 5–7].

Количественные показатели в медиапространстве в основном представлены частотой упоминаний аналитического центра в медиа. Однако в расчёт не обязательно берётся лишь упоминание на общем организационном уровне: появление отдельного исследователя в медиа также сказывается на восприятии учреждения. При этом в расчёт также можно брать и качественное наполнение, а именно: в какой коннотации аналитический центр был упомянут.

Как же функционируют аналитические центры в пространстве публичной политики в демократических и авторитарных системах? В демократиях, в отличие от автократий, поле публичной политики намного шире. Это обеспечивается наличием формальных и не формальных либерально-демократических институтов, обеспечивающих акторам равные права и доступ к принятию публичного решения. В автократиях, наоборот, наблюдается крайне низкий уровень политической мобилизации. Политические элиты, концентрируя в своих руках властные механизмы, намеренно ограничивают доступ к делиберативному принятию политических решений [5, p. 192]. Таким образом, публичная политика формируется исключительно элитами и скудна на артикуляцию идей, плюрализм акторов и мнений.

Плюрализм акторов публичной политики в демократиях способствует политической конкуренции между ними. Желание акторов повлиять на политический процесс, в свою очередь, повышает спрос на услуги аналитических центров. Таким образом, параллельно с политической конкуренцией между акторами наблюдается конкуренция идей между аналитическими центрами [25, p. 129]. Иными словами, функционирование многих аналитических центров сегодня базируется на рыночных принципах: побеждает тот, кто сумел привлечь и удержать клиента. Клиент, в свою очередь, обращает внимание

на множество факторов, которые помогают ему определить уровень доверия учреждения. Доверие к аналитическому центру определяется следующими переменными: количество установившихся связей с другими акторами, оказание влияния на публичную политику в прошлом, прозрачность организации, интеллектуальная независимость, эффективность и качество политического анализа, стоимость услуг и т. д. [9, p. 14].

В автократиях же рынок идей и конкуренция между аналитическими центрами за своего клиента серьёзно ограничены либо же отсутствуют как таковые. Низкий спрос на услуги политического анализа объясняется нежеланием властных элит потерять свою исключительную роль при формировании публичной политики. Таким образом, аналитические центры не могут рассматриваться как независимые акторы публичной политики. Это, в свою очередь, накладывает свои особенности, а именно: высокую идеологическую повестку, близость или интегрированность с властными органами, финансовую и ресурсную ограниченность и т. д.

Стоит также отметить, что в демократическом публичном поле, в отличие от автократического, аналитический центр может занимать любое положение относительно других акторов: медиа, государство, общество, бизнес, научные круги и т. д. Причинами тому являются наличие либерально-демократических институтов и рыночных отношений в сфере производства узконаправленного знания. Именно поэтому западные классификации аналитических центров столь детальные и разнообразны [32, p. 564–567].

Заняв определенную нишу, аналитический центр в демократиях вырабатывает собственную стратегию поведения. Так, если организация приближена к государственным акторами, то, скорее всего, её целью будет непосредственная политическая самореализация. Понимая, как работают законодательные и исполнительные механизмы, эксперты всеми силами стараются продвинуть свои идеи и альтернативы во властные круги. Происходит это как извне (публикации, работа с государственными деятелями), так и изнутри (эксперт аналитического центра участвует в общественных слушаниях и т.д.) [19, p. 18].

Если поле аналитического центра пересекается с академическим пространством, то тогда аналитический центр представляет собой некое подобие "университета без студентов". Экспертами учреждения, в основном, являются исследователи с богатым академическим опытом. Вообще, аналитический центр, который тесно взаимодействует с академическим пространством, отличается тем, что его исследования, зачастую, не практико-ориентированы. Их эмпирически насыщенные исследования публикуются в тематических журналах, вследствие чего происходит формирование повестки дня исключительно в академическом пространстве. Иначе говоря, аналитический центр не заинтересован в прямом политическом участии, его влияние на публичную политику опосредованно [15, p. 6–7].

Аналитические центры в демократиях также отличает то, что они могут выступать в качестве предпринимателей. Это происходит тогда, когда в пространстве публичной политики учреждение расположено рядом с акторами бизнеса. В таком случае аналитический центр занимается продажей своих знаний, осуществляет исследования по требованию клиента в различных сферах, таких как здравоохранение, система общественного транспорта, электроэнергетика и т.д. При этом стоит отметить, что подобные научно-исследовательские организации находятся в конкуренции с другими центрами, вследствие чего вынуждены постоянно адаптироваться к новым условиям рынка идей и политического анализа [23, p. 33–36].

Что касается аналитических центров, соприкасающихся с пространством медиа, то их влияние на публичную политику определяется степенью их присутствия в новостных изданиях, телевизионных эфирах и т.д. Медиа пространство для них является основным каналом связи, вследствие чего их исследования написаны простым языком и ориентированы на широкую аудиторию. Нередко аналитический центр сам начинает выполнять функции новостного издания, а многие эксперты имеют образование и опыт журналиста [23, p. 36–38].

Однако отметим, что в демократиях аналитический центр не обязательно взаимодействует исключительно лишь с определённой группой аналити-

ческих центров. Его поле влияния может взаимодействовать со многими другими акторами, вследствие чего его функционал может быть разнообразным. В авторитаризме подбитый эклектизм функций труднореализуем, так как слишком велики институциональные ограничения.

Таким образом, нами была заложена теоретическая основа изучения публичной политики, которая будет сопоставима с условиями вьетнамского авторитаризма: концентрация власти в руках политической элиты, низкий уровень политической свободы и свободы слова, слаборазвитые институты делиберативного принятия публичных решений и низкая политическая мобилизация общества. Учитывая данные ограничения, мы считаем, что наше понимание публичной политики как многомерного и динамичного пространства позволит нам выявить новые особенности принятия публичных решений в данном государстве.

Учитывая многообразие существующих классификаций, мы также операционализировали понятие аналитического центра. Вместе с этим мы определили ключевые функции, которые свойственны аналитическим центрам как элементам публичной политики.

Наконец, мы пронаблюдали за процессом институционализации аналитических центров как в демократиях, так и в автократиях. Определили, как именно они используют доступные им ресурсы. Для этого мы воспользовались концепцией Т. Медведза об аналитических центрах как поле образующих элементов социального пространства. Таким образом мы пришли к выводу, что в демократиях аналитические центры могут свободно занимать положение относительно других акторов (бизнес, медиа, государство и академические круги). Это объясняется развитыми институтами либеральной демократии и наличием рыночного спроса на идеи и профессиональный политических анализ. В автократиях же аналитические центры преимущественно имеют тесную связь лишь только с государством и ЛПР. Таким образом, развитие публичной политики и аналитических центров в них происходит совершенно по другому сценарию.

Для того, чтобы определить роль аналитических центров в публичной политике СРВ, необходимо осуществить дескриптивный анализ пространства публичной политики.

Ранее нами уже была обозначена установка, что авторитарный характер публичной политики СРВ обусловлен чрезмерной концентрацией власти в руках КПВ. Иными словами, роль государства как актора при формировании публичной политики чрезвычайно велика. Открыв Конституцию СРВ, становится понятно, в каких институциональных рамках функционирует политическая система и вместе с ней подсистема публичной политики. Восьмая статья Конституции постулирует, что государство функционирует и управляет обществом, опираясь исключительно на конституционные положения и механизмы демократического централизма (данный принцип будет разобран нами далее). Вместе с этим восьмая статья предписывает уважительное отношение между органами власти и обществом ради совместной борьбы с коррупцией, расточительством и, что самое важное, с авторитаризмом [36].

Если борьба авторитарных властей с авторитаризмом на практике выглядит иллюзорно, то принцип демократического централизма при принятии политических решений более чем ощутим. Имея за собой прямое марксистское происхождение, демократический централизм подразумевает наличие жёстко-структурированной партийной системы, формирующейся электоратом снизу (при этом избираемые кандидаты выдвигаются партийной элитой). Процесс имплементации политического решения также имеет нисходящую направленность: от вышестоящего органа к более низшему. Также принцип демократического централизма предполагает, что выбранные должностные лица полностью представляют интересы электората, поэтому мнение отличное от мнения партии недопустимо. Иначе говоря, политический плюрализм рассматривается как угроза не только интересам властных структур, но и интересам всего вьетнамского общества [34, p. 12]. Таким образом, говорить о существовании развитых делиберативных практик решения публичных проблем во Вьетнаме не приходится.

Если партийное руководство занимается формированием политической стратегии, то местная администрация и бюрократы – её непосредственным

осуществлением. Стоит отметить, что Вьетнамская система исполнительной власти чрезвычайно громоздка и мало отзывчива. Вследствие чего департаменты нередко отказываются брать на себя ответственность за реализацию тех или иных программ [20, p. 371]. В таком случае конструктивный диалог гражданина и бюрократа отсутствует как таковой, ибо человек не знает, к кому именно ему следует обращаться.

Отметим, что поведение местных администраций нередко обусловлено влиянием неформальных институтов. Городские и особенно сельские бюрократы, нередко будучи выходцами с этих земель, часто при работе с гражданами пренебрегают формальностями. Это обуславливает их неоднозначную роль в системе исполнительной власти: с одной стороны – их неформальный подход к обязанностям негативно сказывается на выполнении поставленных им сверху задач. С другой стороны – бюрократы рассматриваются гражданами как "свои" люди, имеющие возможность донести их требования до вышестоящих инстанций. Таким образом, получается, что в условиях бюрократической неопределённости местные власти осуществляют роль медиатора между обществом и властью [20, p. 382–383].

Проблема субординации в системе исполнительной власти СРВ усугубляется также высоким уровнем коррупции среди чиновников. Так, на конец 2020 года Вьетнам занимает 104 позицию из 180 по индексу восприятия коррупции. При этом, 64% опрошенных респондентов считают коррупцию в органах власти серьёзной проблемой [31]. Крайне интересна причина данной проблемы – низкая ставка официальной заработной платы. Поэтому вьетнамские чиновники нередко ищут дополнительные финансовые источники, которые включает в себя получение взяток, неформальные консультации представителям бизнеса и nepoтизм. Таким образом, создаётся уникальная система взаимоотношений между чиновником и гражданином [20, p. 283–284]. Иначе говоря, это именно те неформальные институты, определяющие рамки пространства публичной политике во Вьетнаме.

Негосударственные акторы публичной политики Вьетнама также заслуживают не меньшего внимания. Объявленная в 1986 году стратегия экономической и политической либерализации Вьетнама способствовала становлению (насколько тогда это было возможным) институтов гражданского общества. В то время главными движущими силами были крестьяне, городские рабочие и предприниматели. Крестьяне с радостью восприняли правительственные решения о демократизации. Однако им не хватало ресурсов и возможностей, чтобы успешно артикулировать свои интересы. Рабочий класс, более самодостаточный и собранный, также выступал за повсеместную либерализацию. При этом так совпало, что на конец XX века во Вьетнаме была заметна высокая мобильность населения из села в город. Именно поэтому уже тогда закладывались основы трудового регулирования и принципы взаимодействия с властью. Предпринимательская прослойка, в свою очередь, демократизацию также приветствовала, но относилась к ней осторожно: у бизнесменов было слишком много выгодных точек соприкосновения с вьетнамской властью [18, p. 698–701].

Что касается текущих реалий, то влияние крестьян и рабочих на процесс формирования гражданского общества не столь значителен, как это было ранее. Сегодня к ведущим группам можно отнести: медиа, научно-исследовательские центры, интеллигенцию, бизнес и молодёжь. Именно эти группы, можно отнести к неправительственным акторам, способным оказывать воздействие на публичную политику Вьетнама [26, p. 37]. В данном контексте важно отметить роль общественных организаций и НКО. Отдельно выделяют четыре типа вьетнамских организаций: гражданские организации, массовые организации, профессиональные организации и непосредственно НКО. В пространстве публичной политики также присутствуют иностранные НКО, такие как "Красный Крест", "Оксфам", "Всемирный фонд дикой природы" и т.д. [10]. С целью контроля деятельности всех иностранных НКО во Вьетнаме, в 2001 году правительством СРВ был учреждён Комитет по делам иностранных неправительственных организаций "COMINGO". Перед комитетом стоит несколько задач: регулярная инспекция иностранных НКО, передача отчётов премьер-министру, разработка стратегий по взаимодействию с НКО и т.д. [12].

Обозначим ключевые механизмы взаимодействия этих организаций на правительственных акторов. Гражданские и массовые организации, нередко возникающие в момент появления публичной проблемы, оказывают достаточно заметное воздействие на власть. Профессиональные организации и в большей степени НКО имеют более устойчивые каналы связи с властью. При этом лоббирование интересов осуществляется через личный контакт с чиновником в неформальной обстановке [26, p. 13].

Однако, как показывают исследования, роль НКО и общественных организаций в пространстве публичной политики Вьетнама значительно ограничена. Принцип демократического централизма не оставляет общественным организациям возможности прямого политического давления, ибо все, что идёт вопреки партийных установок, рассматривается как оппозиция, подрывающая государственный строй СРВ. Более того, многие массовые организации являются частью зонтичной структуры Отечественного фронта Вьетнама – крупнейшего в стране государственного политического и общественного движения. Именно оно задаёт нормативные рамки для других общественных организаций [35]. Таким образом наблюдается следующий парадокс: общественные организации и НКО, рассматриваемые в либеральных демократиях как самостоятельная политическая сила, во Вьетнаме же являются стабилизирующим элементом авторитаризма.

Чтобы общественная организация или НКО могла существовать, она должна играть по правилам, которые устанавливаются властью. Вследствие чего при возникновении публичной проблемы они стремятся прийти к консенсусу с властью, а не преследовать оппозиционные стремления. При этом заметна и географическая градация поддержки авторитарных практик в стране: организации на севере Вьетнама (идеологического и политико-административного центра страны) более склонны поддерживать текущий политический режим, нежели чем организации на юге страны (экономического центра страны) [33, p. 20–21]. Стоит отметить и особенности принятия решений и внутри самих общественных организаций: в них активно используется подход сверху вниз, где управляющее лицо (зачастую назначенное с согласия властей) обладает решающим голосом [40, p. 17].

Развивая проблему пространства публичной политики Вьетнама, рассмотрим также роль медиа, соцсетей и печатных агентств. Традиционно медиаресурсы в либеральном государстве являются ключевым источником и дистрибьютером знания в публичной политике. Ситуация во Вьетнаме несколько иная: медиа-повестка формируется Министерством информации и коммуникации СРВ на национальном уровне. Обратим внимание на следующие функции министерства, прописанные во второй статье декрета 132/2013/ND-CP: выдача, приостановление и аннулирование действия лицензий на печатную деятельность (как офлайн, так и онлайн); согласование назначения у увольнения руководящих должностных лиц печатных и новостных агентств; регулирование стандартов и профессиональных качеств руководителей печатных и новостных агентств и т. д. [7]. Таким образом, подавляющая часть печатных и новостных агентств СРВ находится под прямым государственным влиянием, а значит, говорить об их идеологической и политической независимости не приходится. Хотя, стоит отметить, что идеологизация сознания может быть, как целенаправленной и контролируемой государством, так и непреднамеренной [2, с. 42].

Вьетнамскому правительству удаётся успешно контролировать общественное мнение и в интернет-пространстве. Основным методом борьбы с оппозиционными идеями в стране – это тюремные заключения. Так, основной статьёй уголовного кодекса СРВ, по которой преследуются вьетнамские оппозиционеры чаще всего – это 117 статья о создании, хранении и распространении материалов с целью противодействия государственному строю СРВ. Довольно расплывчатая формулировка данной статьи позволяет государству при необходимости осудить любого политически онлайн-активного гражданина [21].

Ситуация ухудшилась в январе 2019, когда вступил в силу закон о кибербезопасности, нацеленный на защиту национальной безопасности и борьбу с антигосударственной информацией в киберпространстве [12]. Данный закон устанавливает, что компании, предоставляющие онлайн услуги, обяза-

ны делать это под наблюдением Министерства информации и коммуникации и Министерства безопасности СРВ. Более того, компании обязуются удалять антигосударственные и оппозиционные посты в соцсетях и удалять аккаунты пользователей [13].

Стоит также отметить озабоченность мирового сообщества касательно данной проблемы. Ещё на этапе законопроекта о кибербезопасности, в 2018 году международная неправительственная организация "Amnesty International" обратилась с открытым письмом к Национальной Ассамблее СРВ. В письме организация была крайне обеспокоена положениями законопроекта, так как они непосредственно нарушали права и свободы людей в интернет-пространстве [27]. Однако данное письмо не возымело никакого эффекта.

Не будучи в силах сопротивляться требованиям закона о кибербезопасности, 21 апреля 2020 "Фейсбук" официально подтвердил, что начнёт сотрудничать с правительством Вьетнама в борьбе с антигосударственным контентом [21]. Это стало сильным ударом для вьетнамцев, так как "Фейсбук" в стране является самой популярной соцсетью по обмену мнением и информацией.

С опорой на вышесказанное можно утверждать, что пространство публичной политики СРВ действительно формируется именно правительственными акторами. Жёсткие формальные институты не дают пространства другим акторам для артикуляции своих интересов и возможности прямо влиять на принятие политического решения. Более того, принцип демократического централизма не позволяет развиваться делиберативным практикам, а только укрепляет принцип нисходящего принятия политических решений. Говорить о свободе слова и мнения не приходится: медиа, печатные агентства и даже социальные сети не могут рассматриваться как полноценные акторы публичной политики. Наоборот, во Вьетнаме они выступают в качестве "невластных" механизмов властного принуждения. Что касается гражданского общества, то оно находится лишь на начальном этапе своего становления и может оказывать воздействие на власть лишь в исключительных случаях. Таким образом, пространство публичной политики СРВ сегодня сужается, при чем делается это комплексно и целенаправленно.

(продолжение следует).

Литература

1. Давыборец, Е.Н. Роль объективных факторов в формировании имиджа России // Вестник ЗабГУ. № 5 (120). 2015. С. 66–74.
2. Давыборец, Е.Н. Роль факторов субъективного восприятия объекта в формировании имиджа государства // Вестник ЗабГУ. № 10 (125). 2015. С. 41–49.
3. Данилова, Н.Ю. Публичная политика: от теории к практике / Н.Ю. Данилова. СПб.: Алетейя, 2008. 356 с.
4. Мельвиль, А.Ю. Категории политической науки / А. Ю. Мельвиль. М.: РОССПЭН. 2002. 649 с.
5. Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудин и др. М.: Вече, 1999. 793 с.
6. Сморгунов, Л. В. Публичная политика: институты, цифровизация, развитие / Л. В. Сморгунов. М.: Аспект Пресс, 2018. 349 с.
7. 132/2013/ND-CP: On regulating functions, duties, rights and organizational structure of Ministry of Information and Communication / Official site of Ministry of Information and Communication. – 16.10.2013. URL: https://english.mic.gov.vn/Pages/VanBan/11292/132_2013_ND-CP.html (дата обращения: 25.11.2022).
8. Abelson D. Do Think Tanks Matter? Third Edition: Assessing the Impact of Public Policy Institutes / D. Abelson. Quebec: McGill-Queen's Press, 2018. 251 p.
9. Baertl A. De-constructing credibility: factors that affect a think tank's credibility / A. Baertl // On Think Tank Working Paper 4. 2018. P. 1–30.
10. Civil Society Briefs: Vietnam / ADB. 2011. P. 1-2. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28969/csb-vie.pdf> (дата обращения: 25.11.2022).
11. Clark J. Measuring Think Tank Performance: an Index of Public Profile / J. Clark, D. Roodman // CGD Policy Paper. 2013. P. 1–31.
12. Decree No. 12/2012/ND-CP dated 01/3/2012 on the Registration and Administration of Foreign Non-Governmental Organizations in Vietnam / The Official Site of the Committee for Foreign Non-Governmental Organizations Affairs. 2012. URL: <http://comingov.gov.vn/en/decree-no-12-2012-nd-cp>

dated-01-3-2012-on-the-registration-and-administration-of-foreign-non-governmental-organizations-in-vietnam/ (дата обращения: 25.11.2022).

13. Dictating the Internet: Curtailing Free Expression and Information Online in Vietnam / International Commission of Jurists. 2020. P.34-35. URL: <https://www.ecoi.net/en/document/2044743.html> (дата обращения: 25.11.2022).

14. Douglass C.N. Institutions and Economic Growth: An historical Introduction / C. N. Douglass // World Development. 1989. Vol. 17. № 9. P. 1319–1332.

15. Elliott W. Think Tank Typologies: Which Typology Best Fits with the Mission and Core Values of NCAI Policy Research Center? / W. Elliott, S. Hicks, S. Finsel // NCAI. 2005. P. 1-27.

16. Fraussen B. Think tanks and strategic policymaking: the contribution of think tanks to policy advisory system / B. Fraussen, B. Halpin // Policy Sciences. 2017. P. 105–124.

17. Freedom in the world 2021: Vietnam Statistics / Freedom House. 2021. URL: <https://freedomhouse.org/country/vietnam/freedom-world/2021> (дата обращения: 25.11.2022).

18. Gainsborough M. Political Change in Vietnam: In Search of the Middle-Class Challenge to the State / M. Gainsborough // Asian Survey. 2002. Vol. 41. № 5. P. 694–707.

19. Hauck J. What are "Think Tanks"? Revisiting the Dilemma of the Definition / J. Hauck // Brazilian Political Science Review. 2017. Vol.11. № 2. P. 1–30.

20. Koh D. State-Society Relations in Vietnam: Strong or Weak State? / D. Koh // Southeast Asia Affairs. 2001. P. 369–386.

21. Let us breathe! Censorship and Criminalization of Online Expression in Viet Nam / Amnesty International. 2020. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/asa41/3243/2020/en/> (дата обращения: 25.11.2022).

22. McGann J. 2020 Global Go To Think Tank Index Report / J. McGann // TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. 2021. 372 p.

23. Medvetz T. Hybrid intellectuals: Toward a social praxeology of U.S. think tank experts / T. Medvetz // Organizations and Politics. 2006. 48 p.

24. Medvetz T. Think Tank as an Emerging Field / T. Medvetz // Social Science Research Council. 2008. 10 p.

25. Misztal B. Public Intellectuals and Think Tanks: A Free Market in Ideas? / B. Misztal // International Journal of Politics, Culture, and Society. 2012. Vol.25. № 4. P. 127–141.

26. Norlund I. The Emerging Civil Society: An Initial Assessment of Civil Society in Vietnam / I. Norlund // CIVICUS Civil Society Index. 2006. 171 p.

27. Open Letter: Viet Nam Must Respect Human Rights in the Cybersecurity Law: letter of appeal, 18.10.2018. / Amnesty International. 2 p. URL: <https://www.amnesty.org/en/wp-content/uploads/2021/05/ASA4192582018ENGLISH.pdf> (дата обращения: 25.11.2022).

28. Rich A. Think Tanks in Policy Making – Do They Matter? / A. Rich // Briefing Paper Shanghai Special Issue. 2011. P. 1–63.

29. Salman A. Think Tanks and Public Policy: Building Bridges or Creative Destruction? / ipa public policy. 22 p. URL: <https://www.iprapublicpolicy.org/file/paper/592c3447652cf.pdf> (дата обращения: 25.11.2022).

30. Stone D. Recycling Bins, Garbage Cans or Think Tanks? Three Myths Regarding Policy Analysis Institutes / D. Stone. – The University of Warwick. 2007. 31 p.

31. Vietnam Corruption Perceptions Index / Transparency International. 2020. URL: <https://www.transparency.org/en/countries/vietnam> (дата обращения: 25.11.2022).

32. Weaver K. The Changing World of Think Tanks / K. Weaver // Political Science & Politics. 1989. Vol.22. № 3. P. 563–578.

33. Wischermann J. Civic Organizations in Vietnam's One-Party State: Supporters of Authoritarian Rule? / J. Wischermann // GIGA Working Papers. 2013. № 228. 25 p.

34. Wischermann J. Under the State's Thumb: Results from an Empirical Survey of Civic Organizations in Vietnam / J. Wischermann // GIGA Working Papers. 2015. № 276. 33 p.

35. Đại hội đại biểu toàn quốc MTTQ Việt Nam lần thứ IX / Cổng thông tin điện tử của Mặt Trận Tổ Quốc Việt Nam. 19.09.2019. = Девятый национальный съезд Отечественного фронта Вьетнама // Портал Отечественного фронта Вьетнама. 19.09.2019. URL: <http://mattran.org.vn/cac-ky-dai-hoi/dai-hoi-ix-2019-32536.html> (дата обращения: 25.11.2022).

36. Hiến pháp nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam, Chế Độ Chính Trị, 28.11.2013. / Cổng Thông tin điện tử Chính phủ. 2013. = Конституция Социалистической Республики Вьетнам, политический режим. 28.11.2013. // Правительственный портал. 2013. URL: <https://cpv.ctu.edu.vn/images/upload/vanbanquy dinh/phapquyen/Hien%20phap%202013.pdf> (дата обращения: 25.11.2022).

References

1. Davyborets E.N. The role of objective factors in shaping the image of Russia // *Vestnik ZabGU*. No. 5 (120). 2015. P. 66–74.
2. Davyborets E.N. The role of factors of subjective perception of an object in shaping the image of the state // *Bulletin of the ZabGU*. No. 10 (125). 2015. P. 41–49.
3. Danilova N.Yu. *Public policy: from theory to practice* / N.Yu. Danilova. St. Petersburg: Aleteyya, 2008. 356 p.
4. Melville A.Yu. *Categories of political science* / A.Yu. Melville. M.: ROSSPEN. 2002. 649 p.
5. *Political Science: New Directions* / Ed. R. Gudim and others. M.: Veche, 1999. 793 p.
6. Smorgunov, L. V. *Public policy: institutions, digitalization, development* / L. V. Smorgunov. M.: Aspect Press, 2018. 349 p. (In Russ.).
7. 132/2013/ND-CP: On regulating functions, duties, rights and organizational structure of Ministry of Information and Communication / Official site of Ministry of Information and Communication. 16.10.2013. URL: https://english.mic.gov.vn/Pages/VanBan/11292/132_2013_ND-CP.html (accessed 25.11.2022).
8. Abelson D. *Do Think Tanks Matter? Third Edition: Assessing the Impact of Public Policy Institutes* / D. Abelson. Quebec: McGill-Queen's Press, 2018. 251 p.
9. Baertl A. De-constructing credibility: factors that affect a think tank's credibility / A. Baertl // *On Think Tank Working Paper 4*. 2018. P. 1–30.
10. *Civil Society Briefs: Vietnam* / ADB. 2011. P. 1-2. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28969/csb-vie.pdf> (accessed 25.11.2022).
11. Clark J. *Measuring Think Tank Performance: an Index of Public Profile* / J. Clark, D. Roodman // *CGD Policy Paper*. 2013. P. 1–31.
12. Decree No. 12/2012/ND-CP dated 01/3/2012 on the Registration and Administration of Foreign Non-Governmental Organizations in Vietnam / The Official Site of the Committee for Foreign Non-Governmental Organizations Affairs. 2012. URL: <http://comingo.gov.vn/en/decreed-no-12-2012-nd-cp-dated-01-3-2012-on-the-registration-and-administration-of-foreign-non-governmental-organizations-in-vietnam/> (accessed 25.11.2022).
13. *Dictating the Internet: Curtailing Free Expression and Information Online in Vietnam* / International Commission of Jurists. 2020. P. 34–35. URL: <https://www.ecoi.net/en/document/2044743.html> (accessed 25.11.2022).
14. Douglass C.N. *Institutions and Economic Growth: An historical Introduction* / C. N. Douglass // *World Development*. 1989. Vol.17. № 9. P. 1319–1332.
15. Elliott W. *Think Tank Typologies: Which Typology Best Fits with the Mission and Core Values of NCAI Policy Research Center?* / W. Elliott, S. Hicks, S. Finsel // *NCAI*. 2005. P. 1–27.
16. Fraussen B. *Think tanks and strategic policymaking: the contribution of think tanks to policy advisory system* / B. Fraussen, B. Halpin // *Policy Sciences*. 2017. P. 105–124.
17. *Freedom in the world 2021: Vietnam Statistics* / Freedom House. 2021. URL: <https://freedomhouse.org/country/vietnam/freedom-world/2021> (accessed 25.11.2022).
18. Gainsborough M. *Political Change in Vietnam: In Search of the Middle-Class Challenge to the State* / M. Gainsborough // *Asian Survey*. 2002. Vol. 41. № 5. P. 694–707.
19. Hauck J. *What are "Think Tanks"? Revisiting the Dilemma of the Definition* / J. Hauck // *Brazilian Political Science Review*. 2017. Vol.11. № 2. P. 1–30.
20. Koh D. *State-Society Relations in Vietnam: Strong or Weak State?* / D. Koh // *Southeast Asia Affairs*. 2001. P. 369–386.
21. *Let us breathe! Censorship and Criminalization of Online Expression in Viet Nam* / Amnesty International. 2020. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/asa41/3243/2020/en/> (accessed 25.11.2022).
22. McGann J. *2020 Global Go To Think Tank Index Report* / J. McGann // *TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports*. 2021. 372 p.
23. Medvetz T. *Hybrid intellectuals: Toward a social praxeology of U.S. think tank experts* / T. Medvetz // *Organizations and Politics*. 2006. 48 p.
24. Medvetz T. *Think Tank as an Emerging Field* / T. Medvetz // *Social Science Research Council*. 2008. 10 p.
25. Misztal B. *Public Intellectuals and Think Tanks: A Free Market in Ideas?* / B. Misztal // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2012. Vol. 25. № 4. P. 127–141.
26. Norlund, I. *The Emerging Civil Society: An Initial Assessment of Civil Society in Vietnam* / I. Norlund // *CIVICUS Civil Society Index*. 2006. 171 p.
27. *Open Letter: Viet Nam Must Respect Human Rights in the Cybersecurity Law: letter of appeal*. 18.10.2018. / Amnesty International. 2 p. URL: <https://www.amnesty.org/en/wp-content/uploads/2021/05/ASA4192582018ENGLISH.pdf> (accessed 25.11.2022).
28. Rich A. *Think Tanks in Policy Making – Do They Matter?* / A. Rich // *Briefing Paper Shanghai Special Issue*. 2011. P. 1–63.
29. Salman A. *Think Tanks and Public Policy: Building Bridges or Creative Destruction?* / *ippa public policy*. 22 p. URL: <https://www.ippapublicpolicy.org/file/paper/592c3447652cf.pdf> (accessed 25.11.2022).

30. Stone D. Recycling Bins, Garbage Cans or Think Tanks? Three Myths Regarding Policy Analysis Institutes / D. Stone. – The University of Warwick. 2007. 31 p.
31. Vietnam Corruption Perceptions Index / Transparency International. 2020. URL: <https://www.transparency.org/en/countries/vietnam> (accessed 25.11.2022).
32. Weaver K. The Changing World of Think Tanks / K. Weaver // Political Science & Politics. 1989. Vol. 22. № 3. P. 563–578.
33. Wischermann J. Civic Organizations in Vietnam's One-Party State: Supporters of Authoritarian Rule? / J. Wischermann // GIGA Working Papers. 2013. № 228. 25 p.
34. Wischermann J. Under the State's Thumb: Results from an Empirical Survey of Civic Organizations in Vietnam / J. Wischermann // GIGA Working Papers. 2015. № 276. 33 p.
35. Ninth National Congress of the Vietnamese Fatherland Front // Fatherland Front Portal Vietnam. 19.09.2019. URL: <http://mattran.org.vn/cac-ky-dai-hoi/dai-hoi-ix-2019-32536.html> (accessed 25.11.2022) (In Viet.).
36. Ninth National Congress of the Vietnamese Fatherland Front // Fatherland Front Portal Vietnam. 19.09.2019. URL: <http://mattran.org.vn/cac-ky-dai-hoi/dai-hoi-ix-2019-32536.html> (accessed 25.11.2022) (In Viet.).

Информация об авторе

Семен Алексеевич Войтов, магистрант Высшей школы экономики, Москва, Россия, e-mail: cema2055@gmail.com

Евгений Викторович Журбей, канд. ист. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия; доцент кафедры Гуманитарных и социально-экономических наук филиала Владивостокского государственного университета, Находка, Россия, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Information about the author

Semyon A. Voitov, Master student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, e-mail: cema2055@gmail.com

Evgeniy V. Zhurbey, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Associate Professor, Department of Humanities and Social and Economic Sciences, Vladivostok State University Branch, Nakhodka, Russia, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Поступила в редакцию 19.01.2023

Одобрена после рецензирования 12.05.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Received 19.01.2023

Approved 12.05.2023

Accepted 18.05.2023